

УДК 070, 316.77.007

Ю.М. Ершов

Томский государственный университет

МОДЕЛИ ЖУРНАЛИСТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Статья посвящена осмыслению моделей журналистского образования и связанных с наследием советской образовательной традиции системных проблем. На основе исторического обзора и анализа университетских образовательных практик автор делает вывод о том, что существующая модель не отвечает ни глобальным вызовам цифровой эпохи, ни требованиям медиарынка в нашей стране. Профессиональное образование журналистов должно быть перестроено по договоренности медиаотрасли с вузовским сообществом.

Ключевые слова: журналистика, профессиональная подготовка журналистов, модели журналистского образования

The paper considers models of journalism education and related legacy of the Soviet educational tradition of systemic problems. Based on the historical review and analysis of university educational practices the author concludes that the current model does not meet either the global challenges of the digital era, no media market requirements in our country. Professional training of journalists should be rebuilt under the arrangement of media industry and university community.

Keywords: journalism, training of journalists, journalism education model

Анализ недавних и существующих поныне моделей журналистского образования необходим для понимания возможностей развития журналистики и профессиональной подготовки журналистов. Моделью мы называем теоретическую конструкцию, которая описывает цели и содержание обучения. Другими словами, образовательная модель – обобщенное представление или образ учебного процесса. Модель нужна как инструмент тем исследователям, которые пытаются оценить качественный уровень образования и нерешенные задачи данной образовательной среды. И мы ставим вопрос о моделях и моделировании как раз для того, чтобы понять: сегодня журналистское образование в России опережает аналоги в других странах или отстаёт от них, отвечает на вызовы времени или нет.

На протяжении почти полутора веков в России с переменным успехом соперничали две модели журналистского образования: практико-ориентированное образование и академически-ориентированное. Разумеется, у каждой модели имеется множество параметров, связанных со стейкхолдерами и с миссией образовательного учреждения. Образовательная программа может тяготеть к фундаментальности, как в классических университетах, а может – к прагматизму, как в инженерных и предпринимательских школах. Она может быть массовой или элитарной, краткосрочной или тем, что за рубежом называют *lifelong education*. Её аудиторией могут быть вчерашние школьники или получившие первое образование люди с профессио-

нальным стажем работы. Абстрагируясь от множества измерений, мы сосредоточимся на одном – важнейшем, на наш взгляд, соотношении – балансе теории и практики в профессиональном обучении.

Имеет ли право на существование теория журналистики? Достаточно ли она научна? Каково оптимальное соотношение практических и теоретических курсов в учебном плане журналиста? Можно ли через постижение теоретических знаний подготовить студента к практической деятельности в журналистике? Можно ли через систему практик и наставничество подготовить стажёра к профессии без всяких теоретических дисциплин или с минимумом таких курсов? – Всё это вопросы, без окончательного решения которых невозможно вести речь о моделировании профессиональной подготовки журналиста и о назревшей реформе журналистского образования в университетах.

Журналистская подготовка в России началась как раз не в университетах. В начале XX века в нашей стране предпринимались попытки вести практические курсы журналистики по аналогии с Берлинскими курсами и школами практической журналистики в других странах. Многие из этих попыток были непродолжительными и после одного выпуска слушателей курсы закрывались. Подробно об этом пишет В.С. Семиков в статье «Первые шаги на пути к профессиональной подготовке журналистов в России» [1]. Л.Е. Владимиров в Москве, а А.Х. Рабинович-Чивонибар в Одессе вели курсы в режиме вечернего обучения. Курсы проходили при редакциях газет («Русский листок» и «Одесская жизнь»), и этот момент корпоративного заказа на обучение был определяющим или моделирующим. В основе обучающей программы были не только общие, но и специальные предметы: стенография, фотография, техника журналистской работы, репортаж. В Одессе к преподаванию на курсах были привлечены известные публицисты и литераторы Л.Н. Андреев, А.И. Куприн, А.В. Амфитеатров [2].

Царское правительство с подозрением относилось к журналистской профессии, считая, что у журналистов непомерно большое самомнение, и противилось открытию журналистских направлений в университетах (хотя в той же Европе при юридических и иных факультетах университетская подготовка журналистов велась). Российские министры просвещения исходили из известной формулы фон Гумбольдта, по которой «Университет существует, чтобы производить разумное, не прибегая к революции и разрушению». А в революционные годы начала века, когда оппозиционно настроенные студенты становились закваской для массовой смуты, готовить в императорских университетах профессиональных пропагандистов было себе дороже. Таким образом, первый опыт профессиональной подготовки журналистов в России был частной инициативой и ответом на запросы стремительно развивающейся газетной отрасли.

После революции и гражданской войны была продолжена традиция кратковременных курсов практической журналистики сначала при техникумах и совпартшколах, а в тридцатые годы в коммунистических институтах журналистики (КИЖ). КИЖи были созданы в Москве, Ленинграде, Харькове, Минске, Свердловске, Алма-Ате и Куйбышеве. Только по заочной форме обучения в довоенные годы они подготовили более 2000 журналистов для работы в редакциях. Однако параллельно газетным техникумам и трёхмесячным курсам для подготовки и переподготовки руководства областных газет подготовку журналистов начинают большие институты: Московский институт философии, литературы и истории (ИФЛИ), Полиграфический и Редакционно-издательский институт.

Как можно убедиться, изучая историю партийно-советской печати 1930-1940-х, сосуществовали и соревновались две образовательные модели. Государственные деятели могли видеть достоинства и недостатки как практико-ориентированной, так и академически-ориентированной системы профессиональной подготовки. Основным плюсом первой была скорострельность: через 3-6 месяцев литературный сотрудник, ответсекретарь или редактор мог приступить к редакционной деятельности. В годы революционных преобразований скорость подготовки и внедрения имела решающее значение. У университетской системы подготовки главное преимущество заключалось в фундаментальности образования: выпускники выходили филологически образованные и широко мыслящие. Когда не взрывной характер революции определял строй жизни, а прозаические времена с многотрудным государственным строительством и воспитанием нового человека, академическая фундаментальность и идеологическая выдержанность становилась нужнее и в подготовке журналистов.

Между краткими курсами газетчиков и университетским образованием журналистов в СССР было ещё одно промежуточное звено: система партийной учёбы. В послевоенные годы в Высшей партийной школе при ЦК КПСС, в республиканских и многих межобластных партшколах открылись редакторские отделения. Редакторы входили в партийное бюро, и должности их считались номенклатурными. А потому ВПШ и партийная академия готовили элиту редакторского корпуса. Вместе с партучебой система журналистской подготовки в СССР строилась как многоуровневая и многозадачная иерархия образовательных центров. На низовом уровне действовали краткосрочные курсы, в которые вовлекали рабкоров и селькоров. На среднем этаже тот же нештатный корреспондент мог получить направление в Коммунистический институт журналистики и через год учёбы получить диплом, позволяющий ему работать по распределению в редакции. И на вершине этой системы была партийная академия, где уже сложившегося профессионала проверяли на верность ленинским идеалам и зачисляли в партийную номенклатуру.

Многоуровневая система подготовки журналистских кадров была эффективна для своего времени, но она была слишком сложна, внутренне противоречива и не управлялась из одного центра. Во время Великой отечественной войны и в послевоенные годы советское правительство отказалось от практико-ориентированной модели в форме заочных или кратковременных курсов подготовки и переподготовки и

сделало выбор в пользу университетской долговременной и академически углубленной подготовки партийных публицистов. Первым таким факультетом стал преобразованный в факультет журналистики коммунистический институт журналистики в Свердловске, затем в Минске, Ленинграде и Москве. В Баку, Вильнюсе, Алма-Ате, Львове, Ташкенте и Харькове были открыты отделения журналистики при филологических факультетах.

Нигде – ни в партийных документах, ни в научной литературе, – не встречается объяснения: почему правительство отказалось от сосуществования двух моделей и перешло к одноуровневой системе журналистского образования. Можно догадываться о смене образовательной концепции: «скороспелки» уже не нужны, требуются более компетентные специалисты, которые никак не могли образоваться на кратких курсах газетной техники. Кроме того, в советском строе жизни была очень сильная тяга к унификации всех процессов. Всякое разнообразие (особенно разнообразие идей) пугало начальство. В университетской иерархичной системе было проще стандартизировать подготовку и поставить её под министерский контроль.

Но были, видимо, ещё и соображения о модели журналиста, требуемого системе партийно-советской печати. Человек, выбившийся из низов, куда более самоуверен, чем любой выпускник университета, поскольку изучение Платона и Аристотеля позволяет человеку осознать, что все новые идеи его времени, как и его собственные, были старыми еще много веков назад. И понять, как многого он еще не знает, что способствует воспитанию скромности или ограничению непомерного самомнения. Для журналистики необходима подобная широта взглядов, но этой профессии очень вредит апломб и верхоглядство. Человек, получивший университетское образование, является более интеллектуально пластичным, и потому гораздо проще дополнить полученное в вузе образование практической подготовкой, нежели ожидать, что пробившийся из низов человек попытается преодолеть узость своих взглядов путем самообразования. Подобные соображения, как мне видится, послужили государственному выбору университетской академически-ориентированной модели журналистского образования.

И вот до начала 1990-х годов всё журналистское образование в СССР было исключительно университетским, вышедшим из филологических школ и академически-ориентированным. Единственной школой практической журналистики был всесоюзный институт переподготовки кадров ТВ и радио, существовавший при Гостелерадио. Но в сравнении с двумя десятками факультетов журналистики этот институт имел очень небольшой масштаб образовательной деятельности. Только Москва, только вещание, раз в пять лет специалисты могли приехать на несколько недель на переподготовку.

И лишь с созданием негосударственного сегмента прессы стали появляться школы практической журналистики, которые в какой-то степени компенсировали нехватку практического обучения на факультетах журналистики. Самой известной такой школой стала в 1990-е годы автономная некоммерческая организация «Интерньюс». До сих пор работает обучающий центр «Практика» в Нижнем Новгороде. Правда, масштабы образовательной деятельности по-прежнему несопоставимы. Одна школа Нины Зверевой или школа Владимира Познера и 150 факультетов, где обучают журналистике. В

отсутствии массовых школ практической журналистики университетские образовательные центры вынуждены брать на себя задачи ремесленного училища и в течение года или двух давать умения фотографировать, снимать и монтировать видео и т.д. У кого-то это получается лучше, где техническая база продвинутая, у кого-то хуже, но главное то, что это не меняет модель, которая остаётся академически-ориентированной.

Надо признать, что за последние четверть века количество университетских центров профессиональной подготовки в статусе факультетов, институтов или отделений увеличилось в несколько раз (сегодня их не менее 150), но это не увеличило разнообразия образовательных технологий – почти все работают по одним и тем же образовательным стандартам и типовым учебным планам. Десять лет назад критика качества университетской подготовки специалистов для вещательных компаний привела к созданию альтернативного факультету журналистики МГУ образовательного центра – Высшей школы телевидения. Однако он был создан не как школа практической журналистики при Первом канале и ВГТРК, а по той же образовательной модели как ещё один факультет всё в том же МГУ – флагмане высшего российского образования.

Между тем в европейских странах наряду с университетской моделью подготовки журналиста есть и очень популярные школы практической журналистики, которые поддерживаются крупнейшими медиаконцернами страны. В Германии, например, существует 16 школ журналистики [3]. Довольно влиятельными считаются, например, Берлинская школа журналистики (Berliner Journalistenschule), Немецкая школа журналистики в Мюнхене (Deutsche Journalistenschule München), Школа журналистики имени Генри Наннена в Гамбурге (Henri-Nannen-Schule), Школа экономической журналистики имени Георга фон Хольцбринка (Georg-von-Holtzbrinck-Schule für Wirtschaftsjournalisten) и др. Поступить учиться в такую школу ещё труднее, чем поступить в университет на факультет журналистики. В Берлинскую школу журналистики, для примера, на 16 имеющихся мест ежегодно принимается около 1000 заявок.

Благодаря сложившемуся за десятилетия разделению труда между университетами и школами практической журналистики в Федеративной Республике Германии сложилась такая система профессиональной подготовки кадров для медиасферы, которая удовлетворяет коренным потребностям общества и СМИ. Сбалансированные двухуровневые системы подготовки существуют и в других развитых странах. В России необходимо на институциональном уровне увеличивать разнообразие образовательных технологий и вводить конкуренцию образовательных моделей. Необходима диверсификация журналистской подготовки в нашей стране, включая создание техникумов или профессиональных училищ для подготовки операторов, монтажеров, режиссеров мультимедиа, SMM-щиков и т.д. Это всё медийные специализации, на которые не нужно учиться 4-5 лет и которым можно обучиться также в режиме переподготовки или практических курсов.

Возрождение исторически первой практико-ориентированной модели состоится, но оно не означает, что университетские центры полностью снимут с себя задачи журналистских техникумов и сосредоточат все свои усилия на фундаментальном классическом образовании. Плох не академизм, а излишний академизм,

начётничество и школярство, отсутствие когнитивной локализации содержания обучения (другими словами, множество лишних дисциплин, которые никак не влияют на готовность выпускника включиться в практическую деятельность). Факультетам журналистики, чтобы выжить в цифровую эпоху, надо помимо развития традиций широкого гуманитарного (филологического, прежде всего) образования становиться лидерами в творческих индустриях, брать на себя индивидуализацию и развитие студенческих талантов.

Если в 1930-е и 1940-е годы университетская подготовка, безусловно, выигрывала в сравнении с обучением журналистике в профессионально-технических училищах, то сегодня недостаточно ссылок на вековую историю, традиции и статусы. Необходимо моделировать образовательную деятельность, вводить в учебный процесс недостающие звенья, принимать более высокие образовательные стандарты. На факультетах журналистики должна быть создана избыточная образовательная и творческая среда, которая через кампусные курсы, через проектное и проблемно-ориентированное обучение создаёт выпускника, готового работать на кросс-медийных платформах в цифровую эпоху.

Известный футуролог Василий Гатов мечтает об атмосфере такого журналистского вуза. «Основа основ свободные, яркие, connected пространства, с минимумом кабинетов и вообще отдельных «территорий». Для создания эффективного ландшафта обучения тех, кто будет заниматься будущим наполнением мозга потребителя, надо потратить время и деньги, силы и усилия мозга. Возможно, центром всего должны быть ньюсрум (многоканальный, многопоточный, с телевизионной и радиостудией, с изолированными пространствами для конференций и личного творчества). Должны быть «творческие» пространства, где можно рисовать на стенах, пользоваться любым творческим оборудованием (от рояля до 3D-принтера) и просто валяться на мягком полу. Должны быть театр-подобные «аудитории» (открытые, без дверей, чтобы мог войти и выйти кто угодно — для «больших лекций»)» [4].

В Томском государственном университете движение в этом направлении уже началось. На факультете журналистики в седьмом учебном корпусе есть творческие пространства в специализированном дизайнерском Мак-кластере и в фотостудии, общий холл на втором этаже служит регулярным презентациям студенческих работ и проведению Дню практики. В Научной библиотеке ТГУ бывший зал каталогов превращён в коворкинг-зону, где студенты могут работать круглосуточно. Такое же творческое пространство создано и в общежитии «Парус», где живут магистранты факультета журналистики и других факультетов.

Журналистское образование невозможно без творческой среды, системным образом настроенной и воссоздаваемой, без дизайнерского квартала, без медиапарка, без кластера или еще какой-то организованности, в которой снимаются всякие ограничения, мешающие творческому поиску. Этот медиапарк, с одной стороны, создает в университете важный средовой и синергетический эффект, с другой его авторы участвуют в университетском разделении труда и в наполнении общественной жизни творчеством. Специалисты по медиа и дизайну, допустим, полноценно могут участвовать в IT-проектах, художники в проектировании сложных систем коммуникаций, знания возникают на стыках и соединениях

наук.

Итак, журналистское образование в цифровую эпоху становится всё более технологичным и всё более практико-ориентированным. Это не возвращение к газетным техникумам или профессиональным училищам, которые готовили кадры для редакций 1930-х годов. Такой возврат невозможен. Это обогащение учебного процесса знаниями технологическими, инженерными, проектными, предпринимательскими и маркетинговыми. Проиграют те, кто застряли в предыдущей модели, доставшейся нам в наследство от советской системы образования. Основной недостаток старорежимной модели заключается в сугубо индустриальной привязке к «трубе» (к кафедре, к специальности и профилю подготовки) и неумению работать вне рамок специализации. Журналист, как и любой выпускник того времени, должен был пройти государственное распределение и отработать по специальности не менее трех лет. А хороший ли он специалист, и как творчески он работает на свою аудито-

рию, никого не волновало. В постиндустриальную эпоху, когда технологии меняются слишком быстро, профессиональная подготовка журналистов должна учитывать эту изменчивость коммуникационной среды и выпускать на медиарынок широко мыслящих творческих людей, готовых переобучаться и работать поверх профессий.

Литература

1. Семиков В.С. Первые шаги на пути к профессиональной подготовке журналистов в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. – 2007. – № 3-4.

Русское слово. – 1916. – № 107.

Профессия журналиста в Германии: через тернии к звездам? [Электронный ресурс] URL: <http://www.dw.com/ru/>

Гатов Василий. Виртуальный журфак. Заметки о профессиональном образовании [Электронный ресурс] URL: <http://mediahubble.ru/blog/Media/130/Virtualnyj-zhurfak-Zametki-o-professionalnom-obrazovanii.html>

УДК 070

М.А. Мясникова

Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина

ТЕЛЕВИДЕНИЕ КАК КУЛЬТУРНАЯ ЦЕННОСТЬ

Статья предлагает аксиологический взгляд на феномен телевидения, определяя его как культурную ценность. Это важнейшая сфера производства и трансляции смыслов. Однако на практике сегодня телевидение теряет интерес к себе со стороны образованного зрителя. При этом Интернет не может заменить человеку телевизор в силу того, что создаваемые коллективом профессионалов телепродукты, в числе которых есть и уникальные культурные ценности, продолжают занимать огромное место в жизни современного общества.

Ключевые слова: телевидение, культурная ценность, морфология культуры, морфология телевидения, телесинкретизм.

The article offers a look at the television phenomenon from axiological point of view, defining it as a cultural value. This is the most important sphere of production and transmission of meanings. However, practically today television is losing interest on the part of the educated viewer. At the same time the Internet can not replace TV for the person because TV products (among which there are really unique cultural values), generated by a team of professionals, continue to occupy an important place in modern society.

Keywords: TV, cultural value, culture morphology, television morphology, television syncretism.

Сегодня телевидению особенно важно осознать свои связи с культурой. Оно является культурным феноменом и культурным институтом. Связывает людей разных стран и континентов, открывая новые возможности для культурного обмена. Более того, по словам главного редактора журнала «Искусство кино» Д. Дондурей, оно есть – «наиболее значимый институт управления страной, целостно формирующий содержательную часть человеческого капитала» [1. С. 129]. Как коммуникативную подсистему культуры его можно рассматривать в качестве важнейшей сферы производства и трансляции смыслов. Исследователи утверждают, что это – народообразующая сила. Преодолевая пространство и время, оно не только осваивает, тиражирует, накапливает культурные ценности прошлого, но и создает новые как полноценные элементы современной культуры. И, в силу этого, само становится культурной ценностью. Прекрасные слова; однако, то ли мы видим на практике?

К сожалению, для нашего отечественного телевидения, сделавшего ставку на рейтинг, сегодня характерны несколько иные черты. На экран во всех возможных формах поставляются развлечения, слухи, сплетни, скандалы, страхи, трагедии, несчастья. Люди рядятся в несвойственные им одежды. Реальные персонажи подменяются двойниками. Телевидение зарабатывает на низменных чувствах и побуждениях.

Эксперты обращают внимание на исчезновение